

ОГЛАВЛЕНИЕ

Примечание от автора.....	7
Предисловие	9
Пролог. Заключенный 2988	19

КНИГА ПЕРВАЯ. БРИЛЛИАНТЫ

Глава 1. Шаги на лестнице.....	27
Глава 2. Таинственный мистер Андерсон.....	47
Глава 3. Странствующий рыцарь, защитник несправедливо обиженных	63
Глава 4. Человек в донегальской кепке	81

КНИГА ВТОРАЯ. КРОВЬ

Глава 5. Следы.....	93
Глава 6. Прототип Шерлока Холмса.....	103
Глава 7. Искусство ретроспективных рассуждений	111
Глава 8. Дело об идентификации	119

КНИГА ТРЕТЬЯ. ГРАНИТ

Глава 9. Люк в полу	141
Глава 10. «Пока не наступит смерть»	157
Глава 11. Жестокое холодное море	167
Глава 12. Артур Конан Дойль, консультирующий детектив	179
Глава 13. Станный случай Джорджа Эдалджи.....	191
Глава 14. Заключенный 1992.....	199

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. БУМАГА

Глава 15. «Вам известен мой метод»	211
Глава 16. Крах Джона Томсона Тренча.....	231
Глава 17. Не исключая каннибалов.....	247
Глава 18. Похищенная брошь	259
Глава 19. Ворота Питерхеда	269
Глава 20. Больше света, больше справедливости	275
Глава 21. Рыцарь и мошенник.....	287
Эпилог. Что с ними стало	295
Благодарности	301
Действующие лица	305
Глоссарий.....	308
Библиография.....	309
Примечания	315
Об авторе.....	353

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА

В огромном массиве опубликованных трудов о сэре Артуре Конан Дойле его фамилия указывается по-разному: «Дойль» и «Конан Дойль». Я следую биографу писателя Расселу Миллеру, отмечавшему, что тот «носил составную фамилию Конан Дойль». (То же делает сын Конан Дойля Адриан в своей небольшой книге мемуаров об отце «Подлинный Конан Дойль», изданной в 1946 году.)

Ради языковой экономии я предпочла не использовать в книге обозначения «доктор», «мистер», «миссис» и пр. Исключение лишь одно — Марион Гилкрест, 82-летняя жительница Глазго, убийство которой легло в основу повествования. В предыдущих описаниях дела, в том числе принадлежащих перу Конан Дойля, ее всегда называют «мисс Гилкрест», и из уважения к ее эпохе, стране и почтенному возрасту я решила не нарушать эту традицию.

Сноски с пересчетом денежных единиц из фунтов стерлингов начала XX века в современные фунты стерлингов и доллары США отражают исторический уровень инфляции и курс на начало 2018 года.

В конце книги приводятся перечень действующих лиц и глоссарий.

ПРЕДИСЛОВИЕ

То было одно из самых знаменитых убийств своей эпохи. В начале XX века оно взбудоражило Великобританию, а вскоре и весь мир: жертва-аристократка, похищенные бриллианты, преследование беглеца, скрывшегося на другом континенте, и хитрая горничная, которая знала гораздо больше, чем рассказала... Как писал в 1912 году сэр Артур Конан Дойль, это было «самое жестокое и бездушное преступление из всех, занесенных в мрачные анналы, из которых криминолог черпает материал для исследований».

Но, несмотря на весь его драматизм и многие сотни страниц, исписанные Конан Дойлем в связи с делом, рассказы об этом убийстве отнюдь не плод художественного воображения. Они описывают подлинные события: невинного человека преследовали, допрашивали, затем признали виновным в убийстве и едва не повесили. Эта судебная ошибка осталась в истории, по словам Конан Дойля, «бесмертным злодеянием, примером исключительной некомпетентности и упрямства должностных лиц». Сам он — как частный сыщик, вдохновитель общественной кампании и ревностный документалист — посвятил раскрытию этого преступления последние 20 лет своей жизни.

В основу дела, которое называли «шотландским делом Дрейфуса», легло убийство состоятельной дамы, произошедшее в Глазго в предрождественские дни 1908 года. Весной преступника, казалось, нашли: Оскара Слейтера,

недавно приехавшего в город немецкого еврея, искателя приключений, подвергли допросам и признали виновным. Его имя получило такую известность, что в Глазго местный сленг, в котором слово заменяется несхожим по смыслу, но рифмующимся, даже годы спустя сохранил фразу «увидимся, Оскар» (see you Oscar), которую произносили вместо «увидимся позже» (see you later): именем в данном случае заменялось слово «позже» (later), рифмующееся с фамилией «Слейтер».

Однако расследование, проведенное немногочисленными сторонниками Слейтера, показало, что в деле присутствовали серьезные нарушения: халатность суда и стороны обвинения, подтасовка свидетельских показаний, сокрытие оправдывающих фактов, подстрекание к лжесвидетельству. Конан Дойль объявил происходящее «постыдной фальсификацией, где в равной мере сошлись глупость и лживость». Добросовестный полисмен, высказавшийся насчет сомнительности следствия и судебного процесса, поплатился за это карьерой.

В мае 1909 года после совещания присяжных, длившегося всего лишь около часа, Оскара Слейтера признали виновным и приговорили к смерти. Однако широкая публика осталась недовольна вердиктом, и всего за 48 часов до того, как жертве предстояло взойти на эшафот, казнь заменили пожизненным лишением свободы. Следующие 18 с половиной лет Слейтер, почти забытый, провел в заключении на голом и каменистом, продуваемом всеми ветрами клочке суши на севере Великобритании — в Питерхедской тюрьме.

День за днем, в пронизывающем до костей холоде или в беспощадном зное, Слейтер вырубал из породы огромные глыбы гранита, по-диккенсовски питался только хлебом, бульоном и жидкой овсянкой и значительную часть времени изнывал в одиночном заключении. Он как-то при-

знался: если бы срок перевалил за 20 лет, он покончил бы с собой.

В 1927 году Слейтера вдруг освободили, а в следующем году сняли с него обвинение. Толчком к такому развитию событий послужило тайное послание, которое ему удалось передать из тюрьмы в 1925 году, — страстный призыв о помощи, адресованный Конан Дойлю.

Писатель, врач, мировая знаменитость и защитник притесняемых, сэр Артур Конан Дойль верил в невинность Слейтера с самого начала. Еще в 1912 году он попытался употребить свои выдающиеся таланты на то, чтобы освободить Оскара; действия полиции и обвинителей он видел насквозь с холмсовской проницательностью. Однако при всем его влиянии и усилиях ему, как он позже писал, «противостоял целый круг политических законников, которые не могли разоблачить полицию, не разоблачив самих себя». В итоге приговор, вынесенный на основе улики столь шатких, что, по словам одного из комментаторов, их не хватило бы, чтобы «наказать кота за пропажу сметаны», продержался в силе почти 20 лет и остался в истории как один из самых трагических судебных фарсов своего времени.

То, что Слейтер не просидел в тюрьме до самой смерти, — по большей части заслуга Конан Дойля. Расследователь, писатель и издатель, вхожий тайным посредником в коридоры высшей власти, он стал главным защитником Слейтера и сделал больше других для его освобождения, когда многие уже считали дело безнадежным. «Дело Слейтера, — отмечал один из биографов писателя, — позволило Конан Дойлю сыграть в Англии такую же роль, какая во Франции выпала Эмилю Золя, вмешавшемуся в дело Дрейфуса*.

* Альфред Дрейфус, капитан французской армии, еврей по происхождению, в 1894 году на волне антисемитизма был арестован по ложному обвинению в государственной измене. После приговора его отправили на Чертов остров

В наши дни Конан Дойль, почитаемый как автор детективов, гораздо меньше известен как общественный деятель — «рыцарь безнадежных дел», по выражению одного из английских криминологов. Он умер в 1930-м, прожив 71 год, и к этому времени на его счету было две попытки пройти в парламент (безуспешные); публичное отстаивание ряда требующих решения вопросов, включая бракоразводную реформу; раскрытие злодеяний Бельгии в Конго, а также смягчение наказания Роджеру Кейсменту — другу Конан Дойля, обвиненному в государственной измене. В поздние годы, как ни странно это может показаться в человеке столь острого ума, Конан Дойль активно высказывался в пользу существования мира духов и жизни после смерти. К нему как создателю Шерлока Холмса, едва ли не самого знаменитого персонажа западной литературы, публика часто обращалась с просьбами расследовать реальные случаи загадочных смертей, исчезновений и тому подобного, и Конан Дойль не раз успешно применял для этого свои навыки детектива-любителя.

Прежде чем присоединиться к кампании по освобождению Слейтера, он помог восстановить законность еще в одном знаменитом случае несправедливого обвинения — когда юрист Джордж Эдалджи, англичанин индийского происхождения, попал в тюрьму за убийство домашнего скота. Собственное расследование, проведенное Конан Дойлем, стало темой множества документальных книг и послужило толчком к созданию в 2005 году романа Джулиана Барнса «Артур и Джордж».

во Французской Гвиане, где находилась печально знаменитая тюрьма. Одним из самых стойких защитников Дрейфуса был писатель Эмиль Золя, чье гневное открытое письмо «Я обвиняю!», опубликованное в 1898 году на первой странице одной из парижских газет, упрекало правительство в антиеврейских настроениях и в итоге стало одним из поводов к пересмотру дела Дрейфуса. В 1899 году Дрейфус получил помилование, в 1906 году был полностью оправдан. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано другое.*

История Слейтера, несмотря на лежащее в ее основе убийство, остается менее известной — возможно, из-за того, что дело оказалось более сложным, чем другие случаи, которыми занимался Конан Дойль. Помимо прочего здесь не было кристально чистого обвиняемого с безупречными моральными качествами, как в случае с Эдалджи. Джордж Эдалджи — человек образованный, с безупречной репутацией, Оскар Слейтер мало того что иностранец, еще и общительный пройдоха, завсегдатай варьете и игорных домов, а также, по слухам (так и не подтвержденным), сутенер. Даже сам Конан Дойль считал Слейтера личностью недостойной: «не человек, а презренное перекаати-поле» — в этих скупых словах писателя отчетливо отражаются бессознательные культурные предубеждения той эпохи. Вдобавок Конан Дойль, создатель Холмса, обладавшего крайне рациональным умом, в последние десятилетия жизни стал предметом насмешек из-за тяги к спиритизму, и в итоге пресса и общественность встречали любое его новое дело, включая дело Слейтера, если не с презрением, то как минимум со скептицизмом.

И все же оно стало последним деянием Конан Дойля как расследователя реальных преступлений, причем деянием героическим. История долгой борьбы за освобождение Слейтера ярко демонстрирует уникальные свойства личности Конан Дойля как выдающегося человека своего времени: готовность вступить в схватку, чувство чести, которая превыше личных антипатий, и талант к рациональному расследованию, превосходящий способности полиции. В наше время многие несправедливые приговоры опровергаются экспертизами на основе анализа ДНК, но Конан Дойль сумел освободить Слейтера почти единственно благодаря наблюдательности и четкой логике — именно тому, что принесло всемирную славу герою его рассказов.

Книга «Конан Дойль, на стороне защиты» объединяет в себе рассказ о приговоренном к казни, чью невиновность удалось доказать без современных методов судебной экспертизы, и рассмотрение уникального метода расследования, который Конан Дойль использовал в рассказах о Шерлоке Холмсе и затем применил к реальному убийству. Человек, спасший Слейтера, неслучайно был одновременно и врачом, и автором детективов: расследование, как и врачевание, основано на искусстве диагностики. Искусство это, неразрывно связанное с умением выявить, распознать и истолковать едва заметные подсказки и с их помощью реконструировать невидимое прошлое (навык, который Холмс описал как способность к «ретроспективным рассуждениям»*), ощутимо присутствует в подходе Конан Дойля ко всем аспектам дела Слейтера.

Талант диагноста, который Конан Дойль привнес в расследование, он воспринял от своего преподавателя из медицинского колледжа, Джозефа Белла — живого прототипа Шерлока Холмса. В череде невыдуманных головоломок, медицинских и уголовных, полученная от Белла выучка пришлось Конан Дойлю как нельзя кстати. «У меня есть склонности к наблюдению — и к анализу, — говорит Холмс при первой встрече с Ватсоном. — Благодаря давней привычке цепь умозаключений возникает у меня так быстро, что я пришел к выводу, даже не замечая промежуточных посылок. Однако они были, эти послышки»**.

Так же обстояло дело и в случае со Слейтером. Опубликованные материалы Конан Дойля и архивные письма по теме обнаруживают именно холмсовскую манеру: поиск мелких зацепок, важность которых недооценили другие расследователи, обнаружение логических нестыко-

* Цитата в переводе Н. Тренивой. — *Прим. пер.*

** Цитата в переводе Н. Тренивой. — *Прим. пер.*

вок в действиях полиции и обвинителей, внимание к опровергающим доказательствам и глубокое понимание их ценности, а также — как сказал бы Холмс — способность наблюдать, а не просто видеть. И все это для того, чтобы шаг за шагом распутывать цепь косвенных улик, затянутую на шее Слейтера.

Кроме того, «Конан Дойль, свидетель защиты» рисует портрет самого Слейтера, отсутствующий в немногочисленных прошлых повествованиях о деле, из-за чего этот герой стал чем-то вроде главной загадки в своей же собственной истории. Книга пытается восполнить этот пробел с помощью трогательных писем, которыми в течение почти 20 лет обменивались сидящий в тюрьме Слейтер — во многих отношениях типичный иммигрант — и три поколения его любящей семьи в Германии.

Переписка эта, в которой печаль соседствует с радостью, позволяет многое узнать. Мы видим вдумчивого, эмоционального человека, пытающегося держаться за свою веру там, где на протяжении долгого времени он был единственным евреем. Мы видим человека, разрывающегося между необходимостью подчиниться судьбе и необходимостью не терять надежды. Мы также видим, постоянно и неотступно, внешние признаки надвигающегося безумия. Еще более неотступно перед нами маячит тот факт, что даже после освобождения Слейтер никогда больше не увидит своей семьи: немецкое гражданство для него утрачено, и домой ему не вернуться. Однако при всей тягостности такого запрета не исключено, что благодаря ему Слейтер в итоге остался жив.

Наконец, эта книга исследует вопрос, донимавший многих защитников Слейтера и остающийся без ответа более сотни лет: если полиция Глазго уже через неделю знала, что убийца не Слейтер, то почему его продолжали обвинять в преступлении и даже едва не казнили?

Ответ на этот вопрос отчасти кроется в том, как велись уголовные расследования на заре XX века: дело Слейтера попало на переломный момент в криминалистике, и это обстоятельство в итоге сыграло против него. Также он связан с викторианским мышлением, поскольку история Слейтера, в которой закат аристократизма XIX века соединился с бунтарскими настроениями прогрессивного XX века, по сути своей является повестью о викторианской морали. И хотя дело Слейтера началось в Эдвардианскую эпоху и продолжалось до «века джаза», оно, несомненно, является плодом периода, называемого «долгим XIX веком». Он продлился до Первой мировой войны и, возможно, даже захватывает несколько лет после нее.

В это время происходили резкие изменения в различных областях общественной жизни: бурно развивались наука и медицина, модернизировалась полиция, в литературе появился детективный жанр. Для той эпохи фигура Конан Дойля была в высшей степени показательна, будто создана по мерке. Однако тому времени была свойственна и ностальгическая оглядка на прошлое, которое не знало ни оружия массового уничтожения, ни других сомнительных достижений науки. Конан Дойль с его склонностью к либерализму и традиционализму и с одновременным превознесением научных методов и верой в потусторонний мир, к которой среди тревожений эпохи обращались многие викторианцы, воплощал собой ту двуликую, как Янус, эпоху полнее других.

В истории Слейтера, растянувшейся на два десятилетия, отразились как положительные черты, составлявшие дух того времени, — отвага, справедливость, верность научным принципам, так и отрицательные: классовые предрассудки, ханжеское отношение к полу, ксенофобия, национализм, антисемитизм. Понятия же чести, репутации, джентльменского поведения, которыми была пронизана

вся эпоха, более других соображений руководили поступками — благородными и не очень — многих действующих лиц, включая Конан Дойля и Слейтера. Тесные взаимоотношения этих двоих достигли кульминации в 1929 году, когда общение, в остальном целительное и сближающее, завершилось, по словам Конан Дойля, «болезненным и отвратительным исходом» именно в связи с вопросом чести.

По сути «Конан Дойль, свидетель защиты» — книга о классовой принадлежности: о тех резких оценочных суждениях, подобных сомнительным диагностическим инструментам, которые в любую эпоху используются для отделения «своих» от «чужих». В частности, дело Слейтера иллюстрирует, какими способами эти грубые классифицирования — иконографии инакости — отражают характер эпохи и страхи, присущие культуре большинства. Кроме того, его история — иллюстрация того, каким образом эти предрассудки укрепляются законодательной властью и судами.

Дело Слейтера, вобравшее в себя страсти и предубеждения викторианских времен, по сей день остается поразительным двусторонним зеркалом той эпохи. Более того (и, начиная работу над книгой поддесятилетия назад, я не могла предвидеть такого исхода), история Слейтера с ее конфликтом между разумом и крайне коварной разновидностью неразумия, называемой также этнической нетерпимостью и проявившейся в общественной практике «расиализации преступности», стала точнейшим отражением и нашей эпохи.

ПРОЛОГ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ 2988

В день 23 января 1925 года Уильям Гордон, незадолго до того известный как заключенный 2988, был освобожден из Питерхедской тюрьмы — викторианской крепости на суровом северо-восточном берегу Шотландии. Гордон, скорее всего, остался бы неизвестен истории, если бы не важная анатомическая подробность: он носил зубной протез. Под протезом, скатанная в крошечный свиток и обернутая для сухости в обрывок лощеной бумаги, в тот день скрывалась отчаянная записка от такого же каторжника. Тюремщики, тщательно обыскавшие Гордона перед освобождением, даже не подумали посмотреть на десны. И записка, благодаря которой со Слейтера почти через три года снимут приговор к пожизненной каторге, попала в свободный мир.

Все прежние попытки освободить Слейтера предпринимались его адвокатами, нынешний же отчаянный замысел принадлежал ему самому. Записку, написанную карандашом на клочке тонкой оберточной бумаги, он тайком передал Гордону во время собрания в тюремном дискуссионном клубе. Неприметный бумажный катышек был здесь единственным верным способом сообщить друг другу информацию: как и в большинстве английских тюрем того времени, в Питерхеде поддерживался режим принудительного молчания. Заключенным, которых круглые сутки

охраняли вооруженные стражи, позволялось разговаривать друг с другом лишь в случаях, напрямую связанных с работой. К 1925 году Слейтер уже успел получить наказание за попытку перекинуться несколькими словами с другим заключенным через вентиляционное отверстие между камерами.

Записка Слейтера, ныне ломкая и выцветшая, сохранилась в архивах Библиотеки Митчелла в Глазго. Демонстрируя характерное для Слейтера правописание, пунктуацию и синтаксис, она гласит:

*Гордон старина, всячески желаю вам всего наилучшего и если захотите то пожалуйста **сделайте для меня что можете**. Выскажите английской общественности свое мнение обо мне, касательно личности и также в других отношениях. Вы тесно общались со мной 15 лет и потому вполне к этому способны.*

*Дружище, держитесь подальше от тюрьмы, но особенно от этой **богом забытой дыры**. Прощайте Гордон, мы, пожалуй, вряд ли увидимся вновь, но будем жить в надежде, что может быть и по-другому.*

Ваш друг Оскар Слейтер

P. S. Пожалуйста не забудьте списаться или встретиться с Коннан Д...

Наказ Слейтера Гордон выполнил; это можно заключить по второму посланию — анонимному письму, дошедшему до Питерхеда в середине февраля. Адресованное Слейтеру, оно сообщало:

Лишь несколько строк в попытке вас подбодрить. У вас верные грузы во внешнем мире, которые делают ради вас все возможное, поэтому не теряйте стойкости. Сэр

Артур Конан Дойль велел передать, что все его симпатии на вашей стороне и вся сила его участия ляжет на весы от вашего имени... Нам хотелось бы получить от вас весточку, если вам позволено писать. Пока же не теряйте мужества и надежды на лучшее и будьте уверены, что мы делаем для вас все возможное.

Тюремщики задержали это письмо, авторство которого, как они считали, принадлежало Гордону. Но, хотя Слейтер этого не знал, его взволнованное послание выполнило свою миссию: оно убедило Конан Дойля, уже давно предпринимавшего энергичные, но безрезультатные попытки смягчить наказание, вновь взяться за дело.

Преступление, из-за которого Оскар Слейтер едва избежал виселицы, представляло собой, по словам недавно умершего писателя XX века, «случай убийства, которое в уголовной истории часто называли беспримерным». Преступление было ошеломляюще жестоким, его жертва — рафинированной, состоятельной и изрядно эксцентричной. Стремясь побыстрее раскрыть дело, полиция вскоре объявила, что нашелся подозреваемый: 36-летний Оскар Слейтер, который в тот год приехал в Глазго с молодой любовницей, считавшейся певицей варьете, но в действительности, вероятно, зарабатывавшей проституцией.

В Глазго Эдвардианской эпохи Слейтер по всем меркам соответствовал образу преступника. Иностранец родом из Германии, при этом еврей и фат. Его сомнительный образ жизни оскорблял чувства современников: Слейтер объявлял себя то дантистом, то торговцем драгоценными камнями, однако на жизнь зарабатывал, по мнению окружающих, азартными играми. Даже прежде описываемого убийства полиция Глазго наблюдала за ним в надежде арестовать его как сутенера. (Выражаясь в благопристойной манере,

свойственной тому времени, ему собирались вменить в вину «безнравственное ведение дома».)

Суд над Слейтером состоялся в мае 1909 года в Эдинбурге, обвинение строилось на косвенных доказательствах и открытой фальсификации. «Косвенные доказательства очень ненадежны, — писал Конан Дойль. — С виду они могут четко указывать на одно, но если немного смешать точку зрения, то может выясниться, что они с той же неуклонностью указывают совершенно на другое». Эти слова Шерлока Холмса из рассказа 1891 года «Тайна Боскомской долины» точнейшим образом предвзовет дело Слейтера.

Суд присяжных после 70 минут совещания признал Слейтера виновным, и судья приговорил его к повешению. Приговор был окончательным: судебные решения в Шотландии того времени не обжаловались. (Помилования, случавшиеся время от времени, были прерогативой английского монарха.) К тому времени, когда почти через три недели приговор заменили пожизненными каторжными работами, Слейтер успел отдать распоряжения относительно собственных похорон. В Питерхеде, куда его перевезли, ему предстояло почти два десятка лет мерить шагами крошечную камеру, рубить гранит и браниться с тюремщиками.

В конце 1911-го или начале 1912 года адвокаты Слейтера попросили у Конан Дойля поддержки. Несмотря на презрение к неджентльменскому образу жизни обвиненного, Конан Дойль (сам родившийся в Шотландии) вскоре пришел к убеждению, что произошедшее со Слейтером — пятно на национальном британском характере. Он изучил все аспекты преступления, преследования и судебного процесса, в 1912 году разразился едкой обвинительной статьей «Дело Оскара Слейтера», написал целую серию писем

в английские газеты, отредактировал, опубликовал и снабдил язвительным предисловием вышедшую в 1927 году книгу журналиста Уильяма Парка «Правда об Оскаре Слейтере» и, наконец, воспользовался своим влиянием на некоторых самых могущественных государственных деятелей Великобритании.

В результате в ноябре 1927 года дело сдвинулось с мертвой точки. В 1928 году, после учреждения в Шотландии апелляционного суда по уголовным делам — что, отчасти, стало следствием развернутой Конан Дойлем бурной кампании, — дело Слейтера пересмотрели и приговор был аннулирован. На слушании, репортажи о котором Конан Дойль отправлял в одну из английских газет, они со Слейтером встретились лицом к лицу — единственный раз за всю долгую историю их взаимоотношений. Затем, после триумфальной судебной резолюции, произошел болезненный разрыв, ставший достоянием широкой общественности.

Начало этой долгой цепи событий было положено в Глазго в декабре 1908 года — примерно за неделю до смерти Марион Гилкрест и больше чем за неделю до того, как Слейтер узнал о ее существовании. На протяжении ряда лет лишь немногим был известен странный факт: в ту неделю мисс Гилкрест заявила как минимум одному человеку, что ее собираются убить.

КНИГА ПЕРВАЯ

БРИЛЛИАНТЫ

ШАГИ НА ЛЕСТНИЦЕ

В начале XX столетия в Глазго жила престарелая дама, не пользовавшаяся большой любовью окружающих. Звали ее Марион Гилкрест. К 21 декабря 1908 года, который стал последним днем ее жизни, мисс Гилкрест — негimbaемая, внушительной комплекции старуха, регулярно посещавшая церковь и отличавшаяся крепким здоровьем и безупречным воспитанием, — стояла на пороге 83-летия, до которого оставались считанные недели.

Город, где она жила, был обширен и неприветлив: булыжные мостовые, копоть, сырость. Индустриализация, охватившая изрядную часть цивилизованного мира, не обошла стороной и Глазго. Промышленные города того времени, небо над которыми застилал черный угольный дым, активно поглощали окружающую сельскую местность. Вокруг них разрастались пригороды, куда солидные буржуа возвращались после целого дня, проведенного в деловых конторах; селяне, которым было далеко до уровня этих новых жителей предместий, наводняли города

в поисках работы. В 1900 году Глазго с его населением в четверть миллиона был вторым крупнейшим городом Великобритании после Лондона.

К концу XIX века в британских городах, с их обилием новоприбывших, повысился уровень преступности и состоятельных жителей охватила неизвестная прежде тревога, одна из примет нового времени. Предметом ее была собственность представителей среднего и высшего класса, а вызывали эту тревогу горожане, не принадлежавшие к буржуазии. Слой этот включал в себя рабочих, бедноту, новых иммигрантов и евреев; все они чем дальше, тем больше воспринимались как разносчики общественной заразы — опасности, которую хотелось срочно устранить.

Газеты и журналы того времени описывали эту тревогу, опираясь на метафоры вторжения. Весной 1909 года, когда Слейтера уже признали виновным в убийстве мисс Гилкрист, многие статьи писали о его прибытии на английскую землю именно в таких выражениях, уподобляя его даже вампиру — то было одним из традиционных бранных слов для евреев.

«Теперь нахлынуло племя иноземцев, — писал в том году респектабельный журнал "Бейлиф", издававшийся в Глазго. — Великобритания... открывает объятия чужеземным подонкам... крысообразная мерзость ищет пожирывы среди нас». А эдинбургская вечерняя новостная газета писала, что суд над Слейтером «ярко осветил темные уголки наших великих городов, в которых подобные негодяи вершат свое черное дело. Он демонстрирует породу чужеземных вампиров, лишенных совести, кишящих в черных глубинах и подземельях цивилизованного общества».

Марион Гилкрист была крайне боязлива даже по стандартам боязливого века. Она родилась в Глазго 18 января 1826 года, ее отцом был Джеймс Гилкрист, преуспевающий

инженер. После смерти матери не вышедшая замуж мисс Гилкрист осталась при отце и заботилась о нем. Перед его смертью она, по всей видимости, убедила отца оставить ей большую часть состояния и в результате оказалась намного богаче других его детей.

Несмотря на обилие племянников и племянниц, мисс Гилкрист не очень-то ими интересовалась; они платили ей тем же. «Мисс Гилкрист не поддерживала отношений с родственниками, — так после убийства сказала полицейским ее племянница Маргарет Биррел, жившая неподалеку. — Если ее и навещали, то крайне редко».

Среди тех немногих, с кем мисс Гилкрист общалась, была ее бывшая горничная Мэгги Гэлбрайт Фергюсон, имевшая дочь, которая носила имя Марион Гилкрист Фергюсон — в честь старой хозяйки матери. За месяц до смерти, 20 ноября 1908 года, мисс Гилкрист изменила свое завещание. Предыдущий вариант, составленный шестью месяцами ранее, разделял имущество, которое оценивалось более чем в 15 000 фунтов стерлингов* и включало драгоценности, картины, мебель, серебро и значительные денежные сбережения, между многочисленными племянницами и племянниками. По новому завещанию основная часть имущества отходила к Мэгги и Марион Фергюсон.

Последние 30 лет, до самой смерти, мисс Гилкрист жила почти в полном одиночестве. В ее распоряжении была со вкусом обставленная просторная квартира в доме 49 по Западной Принцевой улице — этот широкий проспект пересекает центр Глазго с северо-запада на юго-восток. В здешних типично викторианских домах, стоящих в ряд и соприкасающихся друг с другом боковыми стенами, гра-

* В пересчете на нынешние деньги примерно 1,3 млн фунтов стерлингов, или 2 млн долларов.

диционно селились деловые люди среднего и крупного достатка, и в начале XX века этот район походил на оазис спокойствия и изысканности. После убийства мисс Гилкрист газеты усиленно писали об элегантности этой части города, тем самым как бы подчеркивая утонченность дамы, несообразную ее роли жертвы.

Свое уединение мисс Гилкрист делила лишь со служанкой по имени Хелен Ламби, шотландкой 21 года от роду. Ламби, о которой отзывались как о «приятной девушке, живой, легкомысленной и не склонной к раздумьям», работала на мисс Гилкрист три года, здесь ее называли Нелли. Судя по всему, обе женщины отлично ладили, однако примечательно, что в отзыве одной из прежних хозяек, Агнес Гатри, Ламби описана как «очень хорошая домработница, но откровенно неграмотная, невеликого ума, очень изворотливая и отнюдь не высоких правил». На протяжении более чем 20 лет после убийства мисс Гилкрист поведение Ламби давало основания заподозрить, что она знала о преступлении гораздо больше, чем говорила, — вполне вероятно, что среди прочего ей был известен и истинный убийца.

Юго-восточная часть Западной Принцессы улицы, где стоял дом мисс Гилкрист, звалась также Королевской террасой, и адрес иногда писали так: «Королевская терраса, 15». Внушительный трехэтажный дом был возведен около 1850 года, квартира мисс Гилкрист занимала весь второй этаж. Квартиру первого этажа («придверное жилье», как в те времена называли это шотландцы) занимала семья музыкантов по фамилии Адамс: мать, ее взрослый сын Артур и несколько взрослых дочерей. Их квартира имела отдельный выход на улицу рядом с дверью мисс Гилкрист и нумеровалась как «Королевская терраса, 14». Жилье на третьем этаже, над квартирой мисс Гилкрист, зимой 1908 года пустовало.

Чтобы попасть в квартиру мисс Гилкрист, посетитель поднимался с тротуара на несколько ступеней, входил

в уличную дверь с номером 15 и оказывался в вестибюле, совмещенном с лестничным колодцем, — в Шотландии это называлось «выгородкой». Внутри нее посетитель ступал на лестницу, ведущую на верхние этажи, и поднимался на один пролет до первой площадки, где находилась входная дверь мисс Гилкрист. Дверь открывалась в обширную переднюю. Слева от нее располагалась столовая, выходившая окнами на Западную Принцеву улицу; как и вся квартира, она была уставлена тяжелой викторианской мебелью и увешана картинами в роскошных рамах. Справа находилась гостиная, в задней части — кухня, будуар, две спальни и ванная комната. Мисс Гилкрист спала в меньшей спальне, большая служила одновременно запасной комнатой и гардеробной. Именно эта свободная спальня дала начало трагическому делу Слейтера, поскольку там-то мисс Гилкрист и хранила большинство драгоценностей.

Для женщины той эпохи и того сословия мисс Гилкрист жила вполне скромно, однако ею владела одна страсть — к ювелирным украшениям. За многие годы эта дама собрала внушительную коллекцию, куда входили перстни с бриллиантами, изумрудами и рубинами, браслеты из золота и серебра с жемчугом и бирюзой, жемчужные и бриллиантовые ожерелья, бриллиантовые серьги и многое другое. Особое пристрастие она питала к брошам, которых в ее собрании насчитывалось немало: с жемчугом, ониксом, гранатами, рубинами и топазами, три бриллиантовые броши в виде звезды, а также судьбоносная для Слейтера бриллиантовая брошь в виде полумесяца. На момент смерти мисс Гилкрист коллекция, насчитывавшая почти сотню предметов, оценивалась примерно в 3000 фунтов стерлингов*.

* На сегодняшний день более 250 000 фунтов стерлингов, или почти 400 000 долларов.

«Она редко надевала драгоценности, разве что отдельные украшения, — писал Конан Дойль в 1912 году. — Обладание ими вызывало в ней радость, смешанную со страхом: не раз она выражала опасения насчет того, что на нее могут напасть и ограбить».

Чтобы избежать ограбления, мисс Гилкрист хранила драгоценности в нетривиальных местах, сейфу в буддаре предпочитая платяной шкаф во второй спальне, где она прятала ювелирные изделия между слоями одежды или в «съемном кармане с шнурком», как писал английский журналист Питер Хант в книге 1951 года, посвященной делу Слейтера. Некоторые драгоценности мисс Гилкрист прикрепляла булавками к изнанке штор, другие клала в карманы платьев.

Кроме того, она превратила квартиру в крепость. «Против нежелательного вторжения мисс Гилкрист придумала несколько труднопреодолимых предосторожностей», — писал Хант:

Окна, выходившие во двор, стояли запертыми. Уличная дверь имела целых три замка: обычный, английский и супернадежный замок Чабба. Кроме того, наличествовали засов и цепочка. Полностью запертая дверь была почти непреодолима для грабителей.

Любой посетитель дома номер 15 должен был снизу, из-за двери выгородки, позвонить в колокольчик. Внутри квартиры, в передней мисс Гилкрист, находился рычаг, открывавший запоры на нижней двери. Это позволяло мисс Гилкрист прямо из квартиры открыть уличную дверь в ответ на звонок, затем открыть дверь квартиры и посмотреть, кто поднимается по лестнице. Если посетитель внушал подозрения, то у хозяйки оставалось достаточно времени вернуться в квартиру

и захлопнуть дверь перед визитером. Есть свидетельства, что мисс Гилкрист, находясь в квартире огна, никому не открывала дверь без заранее условленного сигнала.

Мисс Гилкрист договорилась с нижними соседями, Адамсами, еще об одном отдельном сигнале. Если ей будет грозить опасность и потребуется помощь, сказала она им, то она трижды постучит в пол. Вечером 21 декабря 1908 года Адамсы услышат тройной стук в первый и последний раз в жизни.

Осенью 1908 года Оскар Слейтер — игрок, щеголь и беззаботный путешественник, разъезжающий по миру, — приехал в Глазго. Он бывал там как минимум дважды, в самые первые годы XX века; после отъезда из Германии он успел пожить также в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Брюсселе. В 1901 году, во время первого задокументированного приезда в Глазго, он женился на местной жительнице Мэри Кертис Прайор — алкоголичке, которая постоянно требовала от него денег*. Вскоре расставшись с ней, Слейтер вновь пустился в разъезды и жил под разными именами, в частности для того, чтобы ей сложнее было его выследить. Есть свидетельства, что он ненадолго приезжал в Глазго в 1905 году, а затем вновь отправился в путь.

В следующий раз — видимо, в третий — Слейтер прибыл в Глазго 29 октября 1908 года. Через несколько дней к нему присоединились любовница по имени Андрэ Жунио Антуан (в своей профессии известная как мадам Жунио или попросту Антуан) и служанка Катрин Шмальц. В следующие несколько недель Слейтер обустраивался и невольно создавал первые звенья в той цепи косвенных улик, кото-

* В архивных записях Прайор иногда упоминается как Мари или Мей.

рая вскоре начнет закручиваться вокруг него. Под именем Андерсон он снял квартиру в центре Глазго в доме 69 на оживленной улице Святого Георга, пересекающей Западную Принцеву улицу; от квартиры мисс Гилкрист ее отделяло немногим больше пяти минут пешей прогулки. То было первое звено в роковой цепи.

Позже, 10 ноября, Слейтер зашел в скобяную лавку и купил набор недорогих инструментов для ремонта новой квартиры. Эти инструменты, особенно входивший в комплект небольшой молоток, стали вторым звеном в цепи. В начале декабря, когда потребовалось починить карманные часы, Слейтер отправил их почтой в «Дент», знаменитую часовую фирму в Лондоне. Это станет третьим звеном.

К тому времени Слейтер уже успел наведаться к глазговскому ростовщику, где в обмен на изначальный заем в 20 фунтов стерлингов оставил бриллиантовую брошь в виде полумесяца. Это четвертое звено оказалось самым гибельным.

Той осенью в доме мисс Гилкрист и поблизости от него стало твориться странное. В сентябре 1908 года заболел и умер ее ирландский терьер; Хелен Ламби считала, что он случайно съел какую-то отраву, старуха же подозревала злой умысел. Затем, как позже засвидетельствуют больше десятка местных жителей, в первые три недели декабря на Западной Принцевой улице бродил без дела некий мужчина — по-видимому, следил за домом мисс Гилкрист.

«Этого "наблюдателя" видели в разное время и в разной одежде», — отмечает Питер Хант. (По описанию некоторых свидетелей, костюм включал в себя брюки в клетку, желтовато-коричневые гамашы и коричневые ботинки.) «Внешность его впоследствии описывалась неоднозначно. Один упоминает усы, другой заявляет, что их не было; один утверждает, что мужчина говорил как иностранец, другой — что он выглядел как иностранец».

В середине декабря, примерно за неделю до убийства мисс Гилкрист, взволнованная Хелен Ламби внезапно нагрянула к своей бывшей хозяйке, Агнес Гатри. Как позже вспоминала Гатри, у Ламби было что поведать о происходившем в доме мисс Гилкрист. «Она мне сообщила, что столкнулась там с поразительными вещами, — рассказывала Гатри. — Долго говорила о ее причудах. У мисс Гилкрист было много драгоценностей, которые она необычными способами прятала в доме, под коврами и проч., и она сказала Ламби о своей уверенности в том, что некий мужчина собирается прийти ее убить и что собака была отравлена».

Поистине удивительным было другое, на что Ламби намекнула в более поздней беседе с Гатри и что она недвусмысленно подтвердила в разговоре с племянницей мисс Гилкрист, Маргарет Биррел: мисс Гилкрист боялась не какого-то стороннего незнакомца, а одного или нескольких людей, ей известных.

В понедельник 21 декабря 1908 года мисс Гилкрист во второй половине дня вышла из дома уплатить по счетам и вернулась к чаю около половины пятого. В тот дождливый вечер без пяти минут семь одна из сестер Адамс, Ровена Адамс Лиддел, возвращалась пешком на Королевскую террасу со своей матерью. Приблизившись к входной двери, она увидела «наблюдателя», глядевшего на верхние этажи дома. Позже она описывала это в показаниях для обвинения по делу Слейтера:

Еще не дойдя до двери дома, я увидела темную фигуру, облокотившуюся на перила прямо под окном столовой моей матери... Я взглянула пристально, почти грубо, и полностью увидела лицо, за исключением глаз. У мужчины был глинный нос, с очень своеобразной впа-